

УДК 81'374=161.1:004.415
ББК Ш 141.2-4 РУБ 4Р

И.Н.Савченкова

РЕГИОНАЛЬНАЯ АПЕЛЛЯТИВНАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО АККУЛЬТУРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Статья посвящена проблеме включения в мультимедийный учебный словарь русского языка для иностранных учащихся региональной апеллятивной лексики и фразеологии. Обосновывается необходимость ознакомления иностранцев с пластом языковых и речевых единиц, репрезентирующих региональный (конкретно – донской) компонент русской лингвокультуры в целях их эффективной аккультурации. Подчеркивается, что освоение пласта региональных апеллятивов представляет собой эффективное средство «вхождения» иностранцев, обучающихся в Ростовской области, в русскую этническую культуру, облегчает им ориентирование в непривычной коммуникативной среде, помогает пройти эффективную аккультурацию с учетом региональных особенностей жизни.

Ключевые слова: *мультимедийный учебный словарь, региональная лексика, аккультурация, безэквивалентная лексика, фоновая лексика.*

Савченкова Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета
Тел.: 222-68-12; 8-988-588-90-97
E-mail: irinasavchenkova@rambler.ru

© Савченкова И.Н., 2011 г.

В современной лингвистике прочно укрепилось мнение о том, что «в языке закреплено освоение человеком окружающего мира, а в основе этого освоения лежит принцип антропоцентризма: народное сознание пропускает реальность через призму своего мировидения» [Савченкова, с. 133]. Поскольку употребление языковых средств сегодня осуществляется в условиях «ослабшей нормы» [Хаззагеров, с. 92–99], повышается внимание к использованию лексики, стоящей на грани между нормой и отступлениями от нее. В круг такой лексики включаются регионально ограниченные слова.

Проблема создания мультимедийного учебного словаря для иностранных учащихся, ориентированного на их аккультурацию путем изучения регионального (конкретно – донского) компонента русской лингвокультуры, предопределяет исследование круга вопросов, относящихся в той или иной степени к более широкой проблематике отбора и описания лексики с учетом ее национального лингвокультурологического потенциала. В этом контексте важным представляется обратиться к региональной лексике, определив вначале объем и структуру этого понятия.

Несмотря на то что этот лексический пласт находится в фокусе социолингвистических, лингвокультурологических и лексикографических исследований [Капанадзе, Красильникова, с. 282–294; Осипов, с. 5–11; Голикова; Брыси-на, с. 575 – 578; Воробьева; Жамсаранова, с. 414–420; Звягинцева; Лебедева, с. 456 – 459; Новикова;

Любимова, с. 451–456], разработанной терминологии для обозначения единиц, функционирующих на определенной территории, но свободно используемых жителями региона, фактически не владеющими говорами, в том числе единиц, отражающих региональную культуру, до настоящего времени нет.

Традиционно территориальные варианты национального языка принято называть диалектами. Под диалектом (от гр. *dialektos* – ‘разговор, говор, наречие’) понимается «разговорный вариант данного языка, которым пользуется ограниченное число людей, связанных общностью территории, в постоянном и живом общении друг с другом» [Русская диалектология, с. 6]. Диалект находится за пределами литературного языка и имеет только устную форму реализации. Носителем диалекта принято считать сельского жителя. Однако существует и другая разновидность языка, совпадающая с диалектом по форме реализации и по отступлению от литературной нормы, но отличающаяся от него более широким распространением, – просторечие. «Просторечие, занимая срединное, промежуточное положение в системе языковых и культурных стратов, несет в себе признаки всех сопредельных подсистем языка: деревенских говоров, региолектов, многочисленных профессиональных подъязыков и социальных арго и жаргонов.» [Химик, с.11]. Носителем просторечия считается городской житель, не владеющий литературной нормой, использующий в общении элементы говоров, профессионального и социального жаргона, вульгаризмы и обценную лексику.

В терминологии сферы функциональных разновидностей языка имеется также термин «народно-разговорная речь города», предложенный омскими лингвистами для обозначения взаимодействия в условиях современного города разговорной речи носителей литературной нормы, просторечия, жаргона и элементов диалекта [Осипов, с. 5].

В научных публикациях, связанных с изучением территориальных разновидностей языка, все чаще для обозначения единиц такого рода используются термины «регионализм», «региональная лексика», «региональный язык» [Бородина, с. 29 – 38; Голикова; Кадоло]. Анализ приводимых в этих работах дефиниций термина «региональная лексика» позволяет выявить перечень признаков соответствующего понятия: 1) функционирование данных лексем на определенной территории, 2) устная форма их бытования; 3) использование этих единиц носителями литературного языка; 4) фиксация (нерегулярная) толковыми словарями некоторых единиц такого рода с сопровождением помет «обл.», «местн.», «прост.», «разг.». При разработке модели мультимедийного учебного словаря русского языка, который должен представлять информацию о региональном компоненте культуры в целях аккультурации иностранных учащихся, необходимо добавить к вышеперечисленным признакам еще один, который обосновывает включение в состав региональной лексики безэквивалентных апеллятивных донских слов, – функционирование понятных носителям языка лексем, идентифицирующих регион как особенный, отличный от других.

Вышеизложенная интерпретация понятия «региональная лексика» делает очевидной необходимость ознакомления с нею иностранных учащихся. В мультимедийном словаре региональная лексика образует отдельный модуль, причем его основу должна составить апеллятивная лексика, отражающая своеобразие речи горожан Донского региона, и собственно диалектные по происхождению слова, свободно используемые городскими жителями региона, которые не являются носителями говоров.

Таким образом, в словник включается региональная лексика двух типов: 1) лексика, бытующая на Дону, но ассоциирующаяся с русской национальной культурой в целом: безэквивалентная и фоновая апеллятивная лексика, идентифицирующая Донской регион как казачий (*казак, казачество, атаман, вольница, майдан, городище, курень, станица, хутор* и т. п.), а также устойчивые словесные комплексы, диалектные или общеупотребительные, но обозначающие местные реалии (*казачий круг, казацкая вольница, вольный казак* и т. п.), в том числе пословицы, поговорки донского происхождения или бытования (*Терпи казак – атаманом будешь; С Дона выдачи нет; Жизнь собачья, да слава казачья* и др.); 2) слова, не освоенные литературным языком (в том числе диалектного происхождения), но свободно используемые городскими жителями региона, не являющимися носителями донских говоров. Сюда относятся названия продуктов питания (*синенькие* ‘баклажаны’, *бурак* ‘свёкла’, *жердёла* ‘дикий абрикос’, *тюттина* ‘шелковица’, *каймак* ‘сливки, снятые с топленого молока’), рыбы (*чебак* ‘лещ’, *сула* ‘судак’), предметов, используемых в быту (*рушник* ‘полотенце’, *кулёк* ‘полиэтиленовый пакет’, *баллон* ‘трехлитровая банка’), носильных вещей (*чирики* ‘домашняя обувь’), построек (*хата* ‘дом’), названия, содержащие меры единичности или меры (*скибка* ‘ломоть’, *булка* (хлеба) ‘буханка (хлеба)’, *вилок* (капусты) ‘кочан (капусты)’, *жменя* ‘горсть, пригоршня’ и др.), процессуальная лексика (*гутарить* ‘говорить’, *банить* ‘мыть, стирать’, *казаковать* ‘жить вольно, свободно’, *вечерять* ‘ужинать’) и др.

Региональная лексика должна отбираться с учетом, во-первых, общестрановедческой значимости слов в зависимости от «культурно-ценностного ранга выражаемых ими сведений, которые относятся к бытованию, функционированию страноведческих реалий» [Горянский, с. 42] и, во-вторых, частотности употребления в устной речи, в СМИ, в произведениях писателей, связанных с Доном. Не менее важна при этом и степень учебной значимости отобранных единиц: для иностранца важно уточнение, что следует / не рекомендуется / нельзя употреблять.

Лингводидактическая востребованность единиц первой группы обоснована в первую очередь нуждами учебного процесса. Так, студентам-филологам это поможет понимать произведения донских писателей (например, М.А. Шолохова, А. Калинина и др.), журналистам – откроет возможности использования такого рода лексики при прохождении практики в СМИ, нефилологам – облегчит понимание образов, исполь-

зуемых в региональных средствах массовой коммуникации, рекламе, названиях городских объектов и т.п.

Кроме этого, региональные апеллятивы в учебном словаре для иностранцев важны по следующим причинам. Во-первых, включенные в семантику донских лексических апеллятивов и устойчивых словесных комплексов ассоциативные, прагматические компоненты, передавая информацию регионально-культуроведческого плана, позволяют сформировать у инофонов представление о ценностных ориентирах русских, об их национальном характере. Во-вторых, донские апеллятивы могут стать мотивирующей базой для новых номинаций, что также помогает инофону понимать местную речь. В-третьих, на примере некоторых донских лексем можно проследить активные процессы в современном русском языке (например актуализацию лексики), что поможет иностранцам разобраться в современной общественной ситуации в России. Например, слово *атаман* актуализировалось в 90-е гг. XX в. в связи с общественными переменами, попыткой восстановления казачества и поиском обновленных форм власти на местах, ср. толкования [Ожегов, с. 37; ТССРЯ. ЯИ, с. 38].

Итак, моделируя в словаре языковую картину мира в рамках одного (Донского) региона с целью аккультурации инофона, надо исходить из установки, что «казачество – уникальная социальная общность, сформировавшая в ходе исторической эволюции уникальную культуру» [Регионоведение, с. 214], и в соответствии с этим выделить важнейшие компоненты казачьей уникальности, проявившиеся в особенностях быта, хозяйствования, традиций, религии, в морально-этических ценностях. С этих позиций важно донести до инофонов, что казаки традиционно выступали одновременно и как крестьяне, и как воины. Данный фактор наложил отпечаток не только на их жизненный, хозяйственный уклад, общественное устройство, но и на менталитет. Они были трудолюбивыми, рачительными хозяевами в своем подворье и хребрецами, удальцами на службе.

Исходя из задач создания словаря региональной культуры, ориентированного на иностранца, говоря об укладе жизни казаков, целесообразно остановиться на тех реалиях, которые живы в исторической памяти русского народа или сохранились материально до настоящего времени. Этому способствует освоение таких лексем, как *станица, хутор, майдан, курень, баз* и др. Культурологические пояснения, историческая справка, сопровождающие их в словаре, должны ввести инофона в региональное культурное пространство. Так, на примере этнографизма *курень* можно не только расширить знакомство обучающихся с материальной культурой казаков, но и подчеркнуть их трудолюбие, рачительность, хозяйственность, уважение к старшим, ответственность.

Как известно, казаки были православными верующими [Сидоров; Кузнецов]. Однако вера для них была больше чем религиозная принадлежность и следование определенным правилам – основой духовной культуры, одной из основных ценностей жизни. В доказательство этому

целесообразно ввести в словарь некоторые пословицы, при анализе которых можно проследить роль концепта «Бог» в системе миропонимания и поведения казаков (ср.: *Конь под нами, а Бог над нами; Мы, казаки, люди Боговы* [Сидоров]). Поскольку словарь имеет мультимедийный характер, в статье, посвященной роли веры в жизни казаков, можно посредством гиперссылки отослать учащихся, например, к повествованию о традиции молебнов перед сражениями, см.: [Кузнецов, с. 60], продемонстрировать при помощи фотографий, видеосюжета материальные свидетельства веры – построенные казаками церкви и храмы.

В менталитете казаков центральным понятием выступает понятие воли. Это находит вербальное подтверждение в таких выражениях, как *казачья вольница; вольный казак; Ветру – поле, казаку – воля*, которые следует включать в словарь с соответствующими культурологическими комментариями. Особенно значима в этом ряду лексема *круг*. Круг / казачий круг – форма казачьего самоуправления, высший законодательный орган у донских казаков, признаваемый проявлением демократии и вольнолюбия в казачьем общественном устройстве [Крайсветный]. Для понимания сущности самоуправления казаков необходимо подать в словарной статье информацию о вопросах, которые решал круг, и традициях, которые он чтит. Так, круг обеспечивал защиту и покровительство своим гражданам, в том числе и вновь принятым в казачество беглым, что выражалось принципом *С Дона выдачи нет*. Данная поговорка широко используется и обыгрывается в современных печатных СМИ, Интернете [см. «С Дона выдачи нет» (Россия не отдаст военного, объявленного Тбилиси в розыск через Интерпол) // МК, 26 марта 2011. Доступно по адресу: <http://www.mk.ru/politics/caucasus/article/2011/03/25/575912-s-dona-vyidachi-net.html>; С Дона выдачи нет? // <http://www.spb.yabloko.ru/pbl/3138.php...>

25.07.2007 14:51 Фонтанка.ру; Александр Громов «Из США, как с Дона, выдачи нет» // Доступно по адресу: <http://forum-msk.org/material/kompromat/933662.html> 05.06.2009].

Как известно, после революции 1917 г. казачество лишилось этой формы управления, а в годы Гражданской войны попросту истреблялось. Этот процесс в истории носит название *расказачивание*. Эта лексема важна иностранцу в двух аспектах: в историко-культурном и лингвистическом. С точки зрения истории иностранец получает информацию о событиях в послереволюционной России, о советской власти, о политической ситуации того времени и т. п.; с точки зрения лингвистической – на примере слова познакомится с активной словообразовательной моделью русского языка, узнает другие слова, образованные этим способом: *раскулачивание, раскрестьянивание, разгосударствление*. Уместно при этом привлечь в словарную статью материал «Толкового словаря современного русского языка. Языковые изменения конца XX века» для толкования данного существительного: «*Расказачивание*. В советские времена политика лишения казачества самостоятельных во-

енных и политических прав, фактически – его уничтожение» [ТССРЯ. ЯИ, с. 660].

В словарь также вводится апеллятивная лексика, которая составляет деривационную базу для разнообразных топонимов, в свою очередь облегчающих пространственную ориентацию студентов *лог* → *Большой Лог*, *балка* → *Змиевская балка*, *Мухина балка*, *пластун* → <Пластунов> → станица *Пластуновская*, *кочет* → <Кочетов> → станица *Кочетовская*, *раздоры* ‘разделение реки на рукава’ → станица *Раздорская*; слова *курень*, *казачий*, *хутор*, *атаманский* вошли в названия ресторанов «*Казачий курень*», «*Казачий хутор*», «*Казачий дозор*», «*Атаманская усадьба*») и др.

Однако при создании словаря необходимо помнить о том, что он предназначен для иностранной аудитории. Это предполагает не только минимизацию материала в целях обеспечения доступности информации для понимания и запоминания, но и его текстовое упрощение. Поэтому лингвокультурологический комментарий, составленный на основе богатого материала краеведческой, исторической, справочной литературы, должен быть представлен в компактной форме в виде историко-культурологических пояснений, этимологической справки, может быть дополнен ассоциативным рядом, прагматическими сведениями, иллюстративным рядом, либо может выступать в виде комплексного комментария, содержащего все перечисленные элементы.

Что касается второй группы региональной апеллятивной лексики, то она необходима иностранцу как для оптимизации общения в ситуациях повседневной жизни, так и для понимания и усвоения модели русской повседневности, в частности, для овладения «ролевой и сценарной структурой повседневности» [Чулкина, с. 15].

Для пояснения тезиса обратимся к работе Н.Л. Чулкиной «Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание». Выстраивая концептосферу русской повседневности, исследователь выдвигает на первый план две основные задачи: выявление ее ядерных концептов и реконструкцию мира русской повседневности с представлением важнейших концептов: «дом», «работа», «учеба», «семья», «отдых» и т. п. Автор пытается смоделировать конкретные стереотипные роли, «которые, слагаясь и по-разному сочетаясь (в зависимости от конкретных ситуаций), создают “социальную личность”, действующую в обыденной жизни» [Чулкина, с. 166]. При этом особое внимание уделяется роли языка, поскольку области жизни среднего носителя русского языка воссоздаются «языковыми единицами, в которых содержатся специфические семантические компоненты (“слова – другие люди”; “слова – вещи”, “слова – ситуации” и “слова – отношения”»)» [Чулкина, с. 235]. Эти выкладки применимы к нашему исследованию, поскольку отобранная для словаря группа лексики моделирует региональную картину мира, представляя сведения, позволяющие инофону не только ощутить новый микромир и стать его частью, но и адекватно сыграть роль в соответствии с национальным (региональным) стереотипом в следующих

ситуациях: «На рынке», «В гостях у местных друзей» и т. п. При этом совершенно очевидно, что в соответствии с таким подходом представляемая в словаре информация о региональной лексеме должна содержать прагматический компонент (можно / нельзя употреблять, какую коннотацию передает и т.п.), демонстрировать ассоциативный ряд.

В силу количественной ограниченности (в задачу обучения иностранцев не входит полное овладение региональными особенностями донской речи) представлять эту лексику в словаре целесообразно в алфавитном, а не в идеографическом порядке. И тем не менее рационально минимизированное знакомство с региональной лексикой и фразеологией облегчает иностранцу выбор линии поведения в ситуациях повседневного «живого» общения. Так, иностранец, усвоивший русское слово *булка*, понимает, что оно обозначает изделие из пшеничной муки. Но в Ростове-на-Дону *булкой* называют и единицу хлебного изделия из ржаной или ржано-пшеничной муки. В магазине иностранец слышит, как местный житель просит у продавца «*булку*» черного, ржаного или бородинского хлеба. Это вызывает у инофона недоумение. Житель Москвы и Петербурга в этой ситуации скажет «*буханка*». Чтобы избежать таких ситуаций, в словарь – с особыми стилистическими пометами – и включаются региональные лексемы типа *синенькие, бурак, чебак, жердёла, трошки, зазря* и др.

Думается, что оба пласта апеллятивной донской лексики, представленной в проектируемом словаре, являют собой необходимый лингвокультурологический материал, который может стать эффективным средством «вхождения» иностранцев, обучающихся в Ростовской области, в русскую этническую культуру, облегчить им ориентирование в непривычной коммуникативной среде, помочь пройти эффективную аккультурацию с учетом региональных особенностей жизни.

Литература

- Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? // ВЯ. 1982. № 5.
- Брысина Е.В. Региональный словарь как средство презентации языка культуры // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006.
- Воробьева Е.А. Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры : дис. ...канд. филос. наук. Чита, 2007.
- Голикова Т.А. Сущность регионального языка // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2000. № 4/5. URL: www.bysk.secna.ru/jurnal/n4-5_2000/news/golikova.doc. (дата обращения: 04.05.2008).
- Горянский В.Д. О дифференциации лексических единиц с учетом степени их учебно-страноведческой значимости (к постановке проблемы) // Теория и практика обучения русскому языку как иностранному: сохранение преемственности и пути обновления. Ростов н/Д., 2007.
- Жамсаранова Р.Г. Региональный этноидеографический словарь топонимов: универсалии, принципы, особенности // Мир русского слова и русское слово

в мире. Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. Варна, 2007.

Звягинцева М.М. Константы региональной культуры // Учен. записки. Электронный науч. журн. Курского госуниверситета. URL: <http://scientific-notes/index.php?page=68> (дата обращения: 20.09.2010).

Кадоло Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2 (14). URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/00349304/14/image/14-022.pdf> (дата обращения: 03.09.2011).

Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Крайсветный М.И. Казак – означает демократ // Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. 2007. URL: [http://www.razdory-museum.ru/c_democrat-1.html] (дата обращения: 05.09.2011).

Кузнецов М.А. Культура донского казачества и традиции казачьего быта как условие формирования национального самосознания. Ростов н/Д., 2004.

Лебедева С.В. Понятие «локальная культура»: лингвистический аспект // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006.

Любимова Л.М. Исторический словарь в познании региональной картины мира // Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. Варна, 2007.

Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования. Белгород, 2007.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1990.

Осипов Б.И. О термине «народно-разговорная речь города» // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. Вып. 1. / отв. ред. Б.И.Осипов и М.П.Одинцова. Омск, 1997.

Регионоведение (Юг России : краткий тематический словарь) / под общ. ред. Ю.Г. Волкова, А.В. Попова. Ростов н/Д., 2004.

Русская диалектология : пособие для вузов / под ред. В.В.Колесова. М., 2006.

Савенкова Л.Б. Мир звуков в народном сознании // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2009. № 6.

Сидоров В.С. Русские крестоносцы (духовная культура Донского казачества) : исторический очерк. Ростов н/Д., 1998.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия: более 7000 слов и устойчивых сочетаний / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2005. XLVI. (ТСССРЯ. ЯИ).

Хаззагеров Г.Г. Речевая культура в условиях ослабевшей нормы // Изв. Южного федерального университета. Филол. науки. 2011. № 2.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.

Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М., 2007.